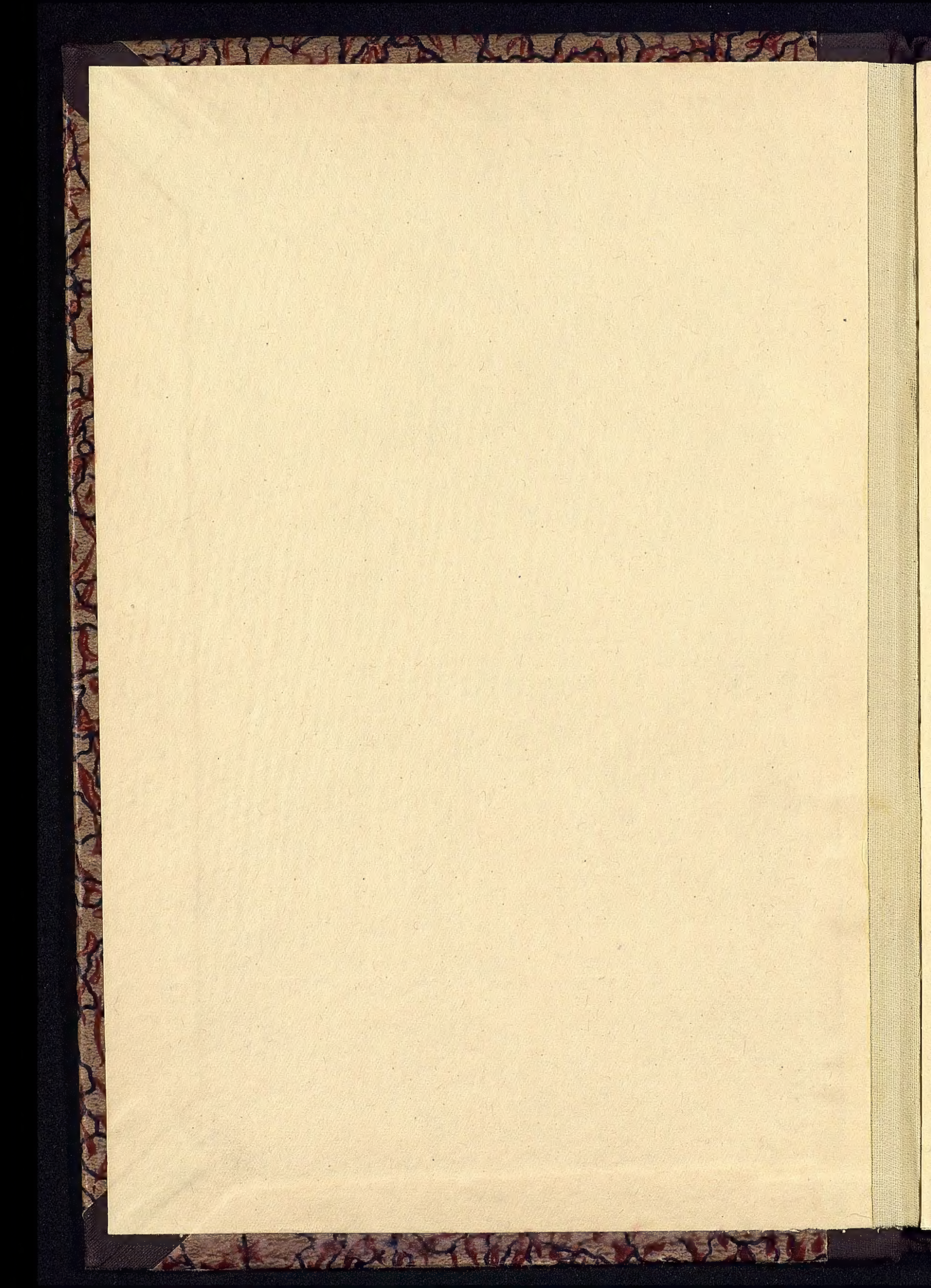

С·И·ГРЕЧУШКИНЪ·

ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

Смутное время.

КАРТИНЫ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

подъ редакціей

Н. Г. Тарасова, А. Ѳ. Гартвига и С. И. Гречушкина.

Картины размѣромъ 60×45 стм. (съ полями 76×62 стм.) на паспарту изъ бристольской бумаги съ оригиналовъ, исполненныхъ **спеціально** для этого изданія художниками: **И. Я. Билибинымъ, Н. П. Богдановымъ-Бѣльскимъ, А. М. Васнецовымъ, Б. М. Кустодіевымъ, К. В. Лебедевымъ, В. Е. Маковскимъ, А. Ѳ. Максимовымъ, Л. О. Пастернакомъ** и другими.

Картины имѣютъ цѣлью обрисовать экономическую, соціальную, политическую и духовную жизнь въ различные культурно-историческіе моменты.

Первая серія — 30 картинъ.

I. Приднѣпровье VII—XII вв.

1. Славянскій поселокъ.
2. Полюдье.
3. Съѣздъ князей.
4. Половецкій набѣгъ.
5. Въ монастырѣ.

II. Сѣверная Русь XIII—XV вв.

6. Въ усадьбѣ князя-вотчинника.
7. Врагъ подъ стѣнами.
8. Вѣче въ Новгородѣ Великомъ.
9. На пристани въ Новгородѣ.

III. Московское государство XVI—XVII вв.

10. Въ Московскомъ Кремлѣ.
11. На службу государеву.
12. Крестьянскій свозъ.
13. Книжное наученіе.
14. Въ теремѣ.
15. У воеводы.
16. На городской площади.
17. Въ Боярской думѣ.
18. Совѣтъ всея Руси.
19. Запорожцы.

IV. Россійская имперія XVIII—XX вв.

20. Ассамблея.
21. Въ Мануфактуръ-коллегіи.
22. Регулярное войско при Петрѣ Великомъ.
23. Петербургъ XVIII вѣка.
24. Въ усадьбѣ помѣщика.
25. Въ кружкѣ Станкевича.
26. Дореформенный судъ.
27. Судъ присяжныхъ.
28. На земскомъ собраніи.
29. На заводѣ.
30. Въ Государственной думѣ.

ИЗДАНІЕ В. В. ДУМНОВА.
Москва — 1910.

С. И. ГРЕЧУШКИНЪ.

ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

Смутное время.

Типографія Г. Лисснера и Д. Собко.
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. 9.

Смутное время.

На картинѣ художника Лебедева изображенъ одинъ изъ эпизодовъ бурной и богатой событіями эпохи Смутнаго времени: встрѣчи Лжедимитрія I-го въ Москвѣ. Дѣйствіе происходитъ на Красной площади, у Лобнаго мѣста. Въ лѣвомъ углу картины виденъ соборъ Василія Блаженнаго; справа, внизу, видна небольшая, построенная Грознымъ, „церковь на Кровехъ". Въ центрѣ картины въ богатой одеждѣ стоитъ молодой человѣкъ съ рыжеватыми волосами. Онъ крестится передъ тѣмъ, какъ приложиться къ иконамъ. Это и есть названный Димитрій. Передъ нимъ находится группа духовенства изъ всѣхъ московскихъ церквей съ иконами и хоругвями. Слѣва отъ Димитрія стоятъ нѣсколько „большихъ" (знатныхъ) бояръ, и въ ихъ числѣ будущій царь Василій Шуйскій. На переднемъ правомъ планѣ кар-ны — группа крестьянъ и посадскихъ окружила человѣка одеждѣ духовнаго; онъ протянулъ руку въ сторону са-званца и, вѣроятно, разсказываетъ о приключеніяхъ чудесно асшагося сына Грознаго царя. Между толпой народа и ца-мъ стоитъ отрядъ стрѣльцовъ съ пищалями. Въ лѣвомъ рхнемъ углу картины видны польскіе трубачи, а нѣсколько раво отъ нихъ — всадники въ красныхъ шапкахъ. Это — аки. На заднемъ планѣ картины видны кремлевскія зданія Красное крыльцо, по которому уходитъ часть встрѣчавшаго ревича духовенства. Такимъ образомъ на этой картинѣ пред-шими взорами представители всѣхъ почти сословій тогдаш-о Московскаго государства. Торжественность момента — встрѣча своего чудесно спасеннаго царя — на мигъ объеди-

нила всѣхъ. Но въ повседневной жизни между классами, представителей которыхъ мы видимъ на картинѣ, были очень острыя отношенія. Эти острыя отношенія и были причиной такъ долго (1601—1613 гг.) тянувшейся смуты. Присмотримся же ближе ко взаимнымъ отношеніямъ тогдашнихъ группъ Московскаго государства.

Группы эти слѣдующія: крестьяне, посадскіе, бояре, духовенство и казаки. Мы не будемъ ничего говорить о полякахъ, какъ элементѣ случайномъ въ нашей смутѣ. Самымъ многочисленнымъ сословіемъ Московскаго государства были крестьяне, самымъ вліятельнымъ — бояре и духовенство.

Боярство составилось изъ старшихъ дружинниковъ удѣльныхъ князей. По мѣрѣ объединенія Руси подъ главенствомъ Москвы, надъ этимъ первымъ слоемъ боярства становился второй слой бояръ — бывшіе удѣльные князья, превратившіеся въ бояръ московскаго государя. Бывшіе удѣльные князья, ставши боярами московскаго великаго князя, сохраняли отчасти права государей въ бывшихъ своихъ княжествахъ. Такъ, они жаловали своимъ служилымъ людямъ, дѣтямъ боярскимъ, земли въ помѣстье. Боярство было едва ли не самымъ богатымъ сословіемъ въ тогдашней Руси. Богатство бояръ заключалось въ громадныхъ земельныхъ владѣніяхъ. Бояре-дружинники получили землю отъ князя за свою службу, а бояре-князья сохранили земельныя богатства еще отъ удѣльныхъ временъ. Надо замѣтить, что земля въ древней Руси не имѣла цѣны сама по себѣ, такъ какъ ея было очень много сравнительно съ количествомъ населенія. Земля имѣла цѣнность только тогда, если на ней жили и прилагали къ ней свой трудъ крестьяне-земледѣльцы. Поэтому владѣльцы земли стремились увеличить число жившихъ на ихъ землѣ крестьянъ. Большинство послѣднихъ не имѣло своей земли, а жило на землѣ помѣщиковъ. Крестьяне имѣли собственную землю только на сѣверѣ Россіи, гдѣ почти не было помѣщиковъ: правительству не было расчета селить ихъ тамъ, очень далеко отъ южной и западной границъ государства. Въ случаѣ войны было бы очень трудно при тогдашнихъ путяхъ сообщенія со-

брать такихъ отдаленныхъ воиновъ. Кромѣ боярства, крупными земельными собственниками были монастыри. Они получали землю или по завѣщанію, на поминъ души завѣщателя, или покупкой. Третью группу землевладѣльцевъ составляли дѣти боярскія и дворяне. Дѣти боярскія — это потомки захудалыхъ боярскихъ родовъ, а дворяне — бывшіе слуги удѣльныхъ князей, ихъ дворъ. Съ переходомъ своихъ государей, удѣльныхъ князей, въ Москву, дворяне получали землю отъ великаго князя въ „помѣстье". За это помѣстье, т.-е. участокъ земли, данный во временное пользованіе, помѣщики обязаны были служить государю на войнѣ. Это значило, что помѣщикъ не только самъ долженъ былъ явиться на войну, но привести съ собой извѣстное число воиновъ изъ свободныхъ крестьянъ, жившихъ на его помѣстьѣ; по старинному выраженію, помѣщики должны были явиться „конны, людны и оружны". Понятно, что они могли это сдѣлать только тогда, если крестьяне жили постоянно у нихъ, а не переходили къ другимъ помѣщикамъ. Крестьяне могли переходить съ земли одного помѣщика къ другому, такъ какъ были лично свободными. Силой удержать крестьянъ помѣщикъ не имѣлъ права. значитъ, нужно было искать другихъ средствъ, чтобы удержать у себя рабочія руки. Крестьяне, какъ лично свободные, платили подати въ государственную казну. Боярство, какъ правящій классъ, и вліятельное духовенство добились для крестьянъ, жившихъ на ихъ земляхъ, большихъ льготъ въ податномъ отношеніи. Крестьяне или совсѣмъ не платили податей, какъ на земляхъ монастырскихъ, или платили ихъ только частью, какъ на многихъ земляхъ боярскихъ. Такъ почти половина всѣхъ земель стали льготными; $^{2}/_{3}$ другой половины, какъ увидимъ, запустѣли вслѣдствіе переходовъ и побѣговъ. Привлекаемые податными льготами, крестьяне съ земель мелкихъ помѣщиковъ стремились перебраться на земли бояръ и монастырей. Надо прибавить, что на земляхъ бояръ и духовенства, которые всегда могли защитить своихъ крестьянъ отъ притѣсненія властей, жилось вообще спокойнѣе. Вслѣдствіе переходовъ крестьянъ, земли мелкихъ помѣщиковъ пустѣли, и они становились неисправными

въ военно-служебномъ отношеніи: не могли приводить столько воиновъ, сколько были обязаны сообразно величинѣ своего помѣстья. Отсюда постоянныя жалобы мелкихъ служилыхъ людей на бояръ и монастыри, что тѣ сманиваютъ у нихъ крестьянъ. Правительство, которое тоже, при уходѣ крестьянъ къ крупнымъ помѣщикамъ, проигрывало, — уменьшались государевы подати, — стало принимать различныя мѣры противъ переходовъ. Землевладѣльцы съ своей стороны употребляли всевозможныя усилія, чтобъ воспрепятствовать переселенію крестьянъ на земли своихъ конкурентовъ. При бѣдности крестьянъ, принятыя правительствомъ и землевладѣльцами мѣры оказались достаточными, чтобъ удержать крестьянъ на одномъ мѣстѣ. Но было одно обстоятельство, которое сильно препятствовало прикрѣпленію. Это — ожесточенная борьба землевладѣльцевъ между собою за рабочія руки. Когда крестьяне, по указаннымъ выше причинамъ, почти потеряли возможность перехода, на смѣну ему явился „своз“ [1]. Вслѣдствіе своза, указанныя выше мѣры прикрѣпленія не достигали цѣли, и жалобы мелкихъ владѣльцевъ на крупныхъ не прекращались. Тогда правительство запретило своз крестьянъ отъ мелкихъ помѣщиковъ къ крупнымъ; позволено было свозить крестьянъ только отъ крупныхъ владѣльцевъ къ крупнымъ, отъ мелкихъ къ мелкимъ же. Послѣдняя мѣра была принята уже въ царствованіе царя Бориса. Послѣ этой мѣры тяжелое и прежде положеніе крестьянъ стало нестерпимымъ. Понятно, что крестьяне пользовались малѣйшимъ случаемъ, который давалъ надежду улучшить хоть немного ихъ положеніе. Уже при Грозномъ, послѣ завоеванія Казани и Астрахани, крестьяне стали массами уходить изъ центра на окраины государства: въ Поволжье, сѣверо-востокъ и юго-западъ, въ „дикія поля“. На югѣ государства эти выходцы образовали нѣсколько вольныхъ, „казацкихъ“ общинъ, жившихъ грабежомъ своихъ и чужихъ (магометанъ). Въ такъ называемыхъ украйнахъ, т.-е. погра-

[1]) Своз состоялъ вотъ въ чемъ: крупный помѣщикъ выплачивалъ за крестьянъ взятыя ими у своего помѣщика ссуды и переводилъ ихъ, на самомъ законномъ основаніи, на свои земли.

ничныхъ областяхъ, куда не достигала власть московскаго правительства, скопилась масса бѣглаго, бездомнаго люда, озлобленнаго московскими порядками и готоваго мстить и правительству, и помѣщикамъ.

Таковы были отношенія между служилымъ сословіемъ и крестьянами.

Между правительствомъ и правящимъ сословіемъ, боярствомъ, тоже не было добраго согласія. Мы уже видѣли, изъ какихъ двухъ слоевъ составилось боярство. По старинѣ и по обычаю, великій князь московскій правилъ землей не одинъ, а вмѣстѣ съ „бояры своими". Разница сравнительно съ удѣльными временами была та, что тогда князья, великіе и удѣльные, правили землей изъ мелкихъ центровъ и порознь, а теперь стали править вмѣстѣ изъ одной Москвы. Бояре вполнѣ признавали самодержавіе, единовластіе великаго князя, но зато зорко слѣдили, чтобъ въ ихъ среду не проникли худородные, выдвинувшіеся только заслугами люди. Государи, вполнѣ самовластные въ другихъ отношеніяхъ, уступали боярамъ въ этомъ вопросѣ. Иногда бояре дѣлали попытки захватить власть въ свои руки. Такъ было въ началѣ царствованія Грознаго, когда бояре дѣйствовали подъ руководствомъ Сильвестра. Грозный началъ жестокую борьбу съ боярствомъ за свое единодержавіе. Эту борьбу онъ оправдывалъ соображеніями государственнаго блага: онъ думалъ, уничтожая боярское противодѣйствіе себѣ, уничтожить междоусобицы и борьбу партій, подобныя тѣмъ, которыя были въ его малолѣтство; вѣдь этими усобицами „царствія растлѣваются". Боярскій классъ былъ силенъ своими громадными земельными богатствами и связями, которыя боярство имѣло съ населеніемъ своихъ земель. Какъ мы видѣли выше, бояре сохранили даже право держать собственныхъ служилыхъ людей. Чтобы сломить силу боярства, Грозный рѣшился на государственный переворотъ, извѣстный въ исторіи подъ именемъ опричнины. Царь постепенно раздѣлилъ Московское государство на двѣ почти равныя части: земщину и опричнину. Всѣми доходами съ земщины вѣдала Боярская Дума. Въ опричнину были отобраны важ-

ные въ торговомъ отношеніи города, много вотчинныхъ земель у боярства и земли нѣкоторыхъ монастырей. У бояръ были отобраны земли преимущественно въ центрѣ Россіи; вмѣсто отобранныхъ въ центрѣ земель давались земли гдѣ нибудь на окраинахъ, да и то въ разныхъ мѣстахъ. Массы земель, не только вотчинныхъ (т.-е. такихъ, которыми владѣли на правѣ полной частной собственности), но и черныхъ (государственныхъ), получили новыхъ владѣльцевъ. Отъ этихъ перемѣнъ владѣльцевъ положеніе крестьянъ въ большинствѣ случаевъ только ухудшалось. Къ этимъ земельнымъ перетасовкамъ прибавились жестокія казни, которыя иногда истребляли боярскія фамиліи „всеродно", т.-е. до одного человѣка. Иногда уцѣлѣвшимъ Грозный запрещалъ даже жениться. Всѣ эти мѣры ослабили боярское сословіе, озлобили его и породили глухое недовольство властью. Кромѣ переселенія служилыхъ людей, Грозный переселялъ иногда цѣлые города. Такія переселенія разоряли посадскихъ людей.

Кромѣ боярскаго сословія, при Грозномъ пострадало также и духовенство. Раньше мы видѣли, что монастыри добились для крестьянъ, жившихъ на ихъ земляхъ, полной свободы отъ податей. Льготы эти были очень убыточны для государственной казны. Поэтому въ 1572 и 1580 гг. Грозный запретилъ служилымъ людямъ передавать служилыя земли во владѣніе духовенства, а въ 1584 г. уничтожилъ свободу монастырскихъ земель и жившихъ на нихъ людей отъ податей.

Итакъ, къ концу царствованія Грознаго внутреннее положеніе Московскаго государства было очень тревожное. Боярство было озлоблено земельными реформами Грознаго и захватомъ власти средними служилыми людьми въ опричнинѣ. Среднее служилое сословіе, дворяне и дѣти боярскія, стремились укрѣпить свое имущественное положеніе и добивались полнаго прикрѣпленія крестьянъ; къ тому же стремились бояре и монастыри. Въ крестьянскомъ вопросѣ интересы бояръ и монастырей, съ одной стороны, дворянъ и дѣтей боярскихъ — съ другой, сталкивались. Крестьяне страдали отъ притязаній всѣхъ видовъ землевладѣльцевъ на ихъ трудъ, боролись съ этимъ уходомъ

отъ однихъ владѣльцевъ къ другимъ, давали себя свозить, переселялись на окраины, уходили въ украйны „козаковать"; все это очень немного улучшало ихъ положеніе. Поэтому крестьяне центральныхъ областей и казаки украинъ, состоявшіе изъ выходцевъ изъ того же центра, были страшно озлоблены на высшіе, угнетавшіе ихъ классы. Казаки и всякаго рода „гулящіе", т.-е. никуда не приписанные люди, составляли тотъ матеріалъ, который охотно принималъ участіе во всякой смутѣ. Потерять эти люди ничего не могли, ибо имъ терять было нечего, а выиграть они могли многое. Запасшись этими свѣдѣніями о взаимныхъ отношеніяхъ въ Московскомъ государствѣ, посмотримъ, какъ эти отношенія отразились на ходѣ смуты.

Грозный царь оставилъ наслѣдникомъ своего сына Θеодора, человѣка нездороваго физически, безвольнаго и слабаго умомъ. Отецъ не считалъ Θеодора способнымъ править государствомъ, и поэтому въ опекуны ему назначилъ нѣсколькихъ бояръ. Одинъ изъ нихъ, родной дядя Θеодора, Никита Юрьевъ, скоро умеръ, и управленіе государствомъ перешло въ руки боярина Бориса Θеодоровича Годунова, шурина царя Θеодора. Борисъ былъ силенъ не только потому, что опирался на поддержку своей сестры, царицы Ирины; но и тѣмъ, что обладалъ замѣчательнымъ умомъ. За 14 лѣтъ царствованія Θеодора и правленія Годунова Русская земля отдохнула послѣ ужасовъ царствованія Грознаго. Лѣтописецъ говоритъ, что въ это время все православное христіанство начало отъ „скорби бывшія утѣшатися и тихо и безмятежно жити". Но въ это спокойное царствованіе произошло событіе, ставшее поводомъ къ долгой смутѣ. Это печальное событіе — убійство въ 1591 г. въ Угличѣ царевича Димитрія, брата и наслѣдника Θеодора. Еще до этого событія шли толки, что царевичу грозитъ опасность отъ кандидатовъ на престолъ, въ случаѣ бездѣтной смерти Θеодора. А такъ какъ наиболѣе вѣроятнымъ кандидатомъ былъ братъ царицы и правитель государства, Борисъ Θеодоровичъ Годуновъ, то въ народѣ его и сочли виновникомъ смерти Димитрія. Вѣроятнѣе всего, что виновниками убійства были слишкомъ усердные сторонники Бориса. Какъ бы то ни было, путь къ пре-

столу былъ расчищенъ. Послѣ смерти Θеодора правильно составленный земскій соборъ выбралъ царемъ Бориса. Избраніе было совершено единодушно. Большіе (знатные) бояре молчаливо ждали, что Борисъ, съ цѣлью привлечь ихъ на свою сторону, формальнымъ актомъ ограничитъ самодержавную царскую власть въ пользу Боярской Думы. Борисъ, разумѣется, не хотѣлъ ограниченія и молчалъ, ожидая, что земскій соборъ выберетъ его безъ всякихъ ограниченій. Борисъ перемолчалъ бояръ, и, дѣйствительно, былъ избранъ безъ какихъ бы то ни было условій.

Царствованіе Бориса, какъ и правленіе при Θеодорѣ, было проникнуто однимъ духомъ. Какъ сказано было выше, онъ ограничилъ своз крестьянъ. На окраинахъ государства онъ строилъ города для защиты границъ со стороны южной степи. Гарнизонъ для этихъ городовъ набирали изъ гулящихъ людей, разумѣется, принудительной вербовкой. Крестьянинъ, ушедшій изъ центра отъ неволи помѣщичьей, тутъ, на окраинѣ, попадалъ въ неволю правительственную. Кромѣ ратной службы, гулящихъ людей заставляли пахать такъ называемую десятинную государеву пашню [1]). Такимъ образомъ, въ той или иной формѣ, государство и на окраинѣ налагало на крестьянъ свою тяжелую руку. Отчасти Борисъ старался если не облегчить, то упорядочить положеніе крестьянъ. Онъ готовилъ указъ, гдѣ хотѣлъ точно опредѣлить обязанности крестьянъ по отношенію къ помѣщикамъ.

По отношенію къ боярамъ Борисъ придерживался политики Грознаго. Такъ, своихъ соперниковъ въ стремленіи къ царской власти, Θеодора Никитича Романова и Богдана Бѣльскаго, Борисъ, по доносамъ ихъ слугъ, сослалъ; при чемъ Θеодора Никитича насильно постригли въ монахи подъ именемъ Фи-

[1]) Десятинной пашней называлось опредѣленное количество земли, которую жители пограничныхъ городовъ обязаны были обрабатывать для надобностей казны. Собранный съ десятинной пашни хлѣбъ отсылали обыкновенно донскимъ служилымъ казакамъ за ихъ службу государству или же во вновь отстраиваемые пограничные города. При Борисѣ десятинная пашня была очень тяжела. Возстановившее впослѣдствіи десятинную пашню, правительство М. Θ. Романова сочло возможнымъ заставить пахать только половину того, что пахали при Борисѣ.

ларета. Пострадали также родственники сосланныхъ. Такимъ образомъ Борисъ, царь изъ бояръ, но не за бояръ, показалъ, что онъ умѣетъ расправляться со своими противниками не хуже блаженной памяти царя Ивана. Когда бояре это поняли, среди нихъ возникла мысль свергнуть ненавистную династiю Годуновыхъ и ограничить царскую власть, чтобъ обезопасить себя отъ казней и произвольныхъ наказанiй. Но какъ? Здѣсь-то и сыграло большую роль темное дѣло — убiйство царевича Димитрiя. Есть вѣроятность думать, что идея выдвинуть самозванца зародилась въ кружкѣ бояръ Романовыхъ. Ихъ холопъ Григорiй Отрепьевъ принялъ монашество и служилъ нѣкоторое время на патрiаршемъ дворѣ. Здѣсь онъ сталъ хвастать, что будетъ, пожалуй, царемъ на Москвѣ. За такiя рѣчи ему предстояло заглохнуть въ ссылкѣ гдѣ-нибудь въ дальнемъ монастырѣ; но какiе-то сильные люди помогли ему бѣжать въ Литву въ то самое время, когда Борисъ началъ расправу съ Романовыми. Былъ ли этотъ бѣглый Отрепьевъ тѣмъ, кто впослѣдствiи царствовалъ въ Москвѣ подъ именемъ Димитрiя Ивановича, до сихъ поръ не установлено; да это и неважно для пониманiя событiй Смутной эпохи.

Борисъ чувствовалъ, догадывался, что противъ него что-то затѣвается. Съ цѣлью открыть это таинственное „что-то“, Борисъ прибѣгъ къ сыску. Начались доносы слугъ на господъ, господъ другъ на друга; доносили даже духовные. Доносчику доставалась часть имущества пострадавшаго отъ доноса человѣка. Произвольныя казни подорвали популярность Бориса, которую ему доставили годы правленiя при Θеодорѣ и начало его собственнаго царствованiя. Къ несчастью царя, въ 1601 — 3 гг. случился страшный голодъ. Хлѣбъ сильно вздорожалъ. Въ эти тяжелые годы владѣльцы холоповъ отпускали, или вѣрнѣе прогоняли ихъ со двора, чтобы не тратиться на ихъ содержанiе,— прогоняли, не давая отпускныхъ. Холопы не имѣли другого исхода, какъ уходить въ разбойничьи шайки или въ украйны, гдѣ ихъ не могла достать московская власть. За три голодныхъ года ушло въ украйны около 2000 способныхъ носить оружiе людей. Царь Борисъ очень дѣятельно помогалъ голодающимъ

изъ своихъ личныхъ и государственныхъ средствъ. Эта помощь была каплей въ морѣ народнаго бѣдствія, особенно если принять во вниманіе злоупотребленія безчестной администраціи и вздуваніе цѣнъ торговцами. Такимъ образомъ, отчасти вслѣдствіе причинъ постоянныхъ, какъ указанныя выше общественныя противорѣчія, отчасти случайныхъ, какъ голодъ,— въ украйнахъ, особенно же въ Сѣверской, скопилась масса недовольныхъ, и самозванецъ зналъ, что дѣлалъ, начиная походъ изъ Польши въ Россію именно съ этой стороны. Самозванецъ вошелъ въ Украйну съ ничтожнымъ отрядомъ въ 4000 человѣкъ, составленнымъ изъ такихъ разношерстныхъ элементовъ, какъ вольнолюбивые польскіе рыцари, казаки и московскіе бѣглецы. Ожиданія самозванца на сочувствіе украинныхъ людей, которыхъ онъ въ своихъ грамотахъ обѣщалъ „жаловати и въ чести держати и учинити въ тишинѣ и въ покоѣ и въ благоденствіи“, вполнѣ оправдались. Маленькіе гарнизоны украинныхъ городовъ, набранные въ большинствѣ изъ казаковъ и гулящихъ людей, безъ боя переходили на сторону названнаго Димитрія. Только Новгородъ-Сѣверскъ, гдѣ большую часть гарнизона составляли московскіе отряды подъ командой Петра Басманова, оказалъ Лжедимитрію стойкое сопротивленіе. Въ теченіе перваго мѣсяца войны Лжедимитрій овладѣлъ громаднымъ пространствомъ по Деснѣ, Сейму, Сѣверному Донцу и верхней Окѣ; но Новгородъ-Сѣверска ему взять не удалось. Между тѣмъ на выручку этого города подошла московская рать князя Мстиславскаго. Ея столкновеніе съ войскомъ самозванца было неудачно для москвичей. Поляки не только выдержали натискъ Мстиславскаго, но даже оттѣснили его съ поля битвы. Послѣ этой стычки поляки поссорились съ самозванцемъ и ушли на родину. Ихъ уходъ сильно ослабилъ самозванца, и во второй битвѣ, у Добрыничей, Мстиславскій наголову разбилъ его, но не преслѣдовалъ, а пошелъ осаждать г. Кромы, передавшійся Лжедимитрію. Въ это время, весной 1605 г., скоропостижно умеръ царь Борисъ. До сихъ поръ боярство хоть не особенно усердно, но сражалось за Бориса. Теперь, когда на престолъ вступилъ 16-тилѣтній сынъ Бо-

риса, Феодоръ, боярство воспользовалось случаемъ отомстить Годуновымъ. Князья Голицыны и Басмановъ увлекли на сторону Лжедимитрія войско подъ Кромами, а Шуйскіе подняли противъ Годуновыхъ Москву. Феодора убили. Такъ, стремленіе бояръ отдѣлаться отъ самодержавія Годунова, и сочувствіе низшихъ слоевъ, ожидавшихъ отъ Лжедимитрія улучшенія своей участи, доставили ему московскую корону. 20 іюня 1605 г. самозванецъ торжественно вступилъ въ Москву, но царствовать ему пришлось очень недолго. Лжедимитрій не понялъ своего положенія въ Москвѣ. Онъ окружилъ себя незнатными родственниками своей мнимой матери, Марфы Феодоровны, и дѣльцами изъ неродословнаго служилаго люда; титулованные потомки Рюрика и Гедимина оставались въ тѣни. Вражда этой-то великородной знати за пренебреженіе, оказанное ей царемъ, и погубила названнаго Димитрія Ивановича. Простой народъ не проявлялъ вражды къ самозванцу, но былъ возмущенъ безчинствами поляковъ, пріѣхавшихъ на царскую свадьбу съ Мариной Мнишекъ. Духовенство съ самаго начала недоброжелательно отнеслось къ Лжедимитрію за пренебреженіе имъ обрядовой стороны царскаго обихода и поборы съ монастырей [1]. Возстаніе 17 мая 1606 г. погубило самозванца. Онъ былъ убитъ, а предводитель заговорщиковъ, кн. Василій Шуйскій, кучкой бояръ, купцами и посадскими людьми былъ провозглашенъ царемъ.

Боярство достигло, наконецъ, цѣли своихъ стремленій: Москва имѣла царемъ родовитѣйшаго потомка Рюрика. Второе домогательство бояръ — объ ограниченіи царской власти — тоже исполнилось. Царь Василій, при вступленіи на престолъ, согласился на ограниченіе своей власти въ пользу Боярской Думы. Условія ограниченія изложены въ такъ называемой подкрестной записи царя Василія. Здѣсь Шуйскій обязуется: преступленія, наказуемыя смертной казнью и конфискаціей имущества, вершить непремѣнно съ „бояры своими“ [2]) и не отбирать въ казну

---

[1]) Съ Троицкой Лавры въ пользу государственной казны было взыскано единовременно 30000 руб.

[2]) Это выраженіе служитъ синонимомъ Боярской Думы.

имущества родственниковъ казненнаго. Второе обязательство данное Шуйскимъ, состояло въ томъ, чтобы не опаляться безъ вины. Опала въ древней Руси выражалась въ удаленіи опальнаго отъ двора, лишеніи чина или отобраніи имущества Прежніе московскіе государи твердо держались за правило, которое Иванъ Грозный формулировалъ такъ: „Жаловать своихъ холопей вольны мы, и казнить ихъ вольны же". Отказываясь отъ этихъ прерогативъ, Шуйскій изъ царя холоповъ превращался въ правовѣрнаго царя подданныхъ. Данныя Шуйскимъ въ подкрестной записи обязательства касались только боярства. Для низшихъ слоевъ общества — среднихъ и мелкихъ служилыхъ людей, посадскихъ людей и крестьянъ — воцареніе Шуйскаго, представителя боярскихъ привиллегій, не обѣщало никакихъ улучшеній. Въ самомъ дѣлѣ, мы видѣли, что интересы боярства и мелкихъ служилыхъ людей въ крестьянскомъ вопросѣ были прямо противоположны. Крестьянство, которое ждало облегченія своей участи отъ Димитрія, не могло надѣяться на исполненіе своихъ ожиданій боярскимъ правительствомъ новаго царя. Понятно поэтому, что какъ только до Сѣверской области дошли вѣсти объ убійствѣ Димитрія и воцареніи Шуйскаго, такъ она дружно поднялась противъ боярскаго ставленника. Центромъ этого возстанія сталъ гор. Путивль, а главою — воевода этого города кн. Шаховской. Его сотрудникомъ былъ очень способный человѣкъ, бывшій бѣглый холопъ, Болотниковъ. Движеніе возникло во имя Димитрія, который будто бы спасся во время мятежа 17-го мая. Къ Болотникову стекались отовсюду бѣглые крестьяне, казаки, гулящіе люди, мелкопомѣстные дѣти боярскія. Возстаніе охватило весь югъ московскаго государства, и Болотниковъ побѣдоносно дошелъ до самой Москвы. 1606 года, 2-го декабря Шуйскій разбилъ войска Болотникова. Болотниковъ ушелъ сначала въ Калугу, а потомъ въ Тулу. Здѣсь, лѣтомъ 1607 года, Шуйскій осадилъ Болотникова съ войскомъ, набраннымъ преимущественно въ сѣверныхъ областяхъ государства. Тула, въ которой засѣло около 20000 „воровъ", защищалась отчаянно. Это и понятно. Тутъ сошлись вѣковѣчные враги: служилые люди — на сторонѣ

Шуйскаго, и угнетенные, обездоленные — на сторонѣ Болотникова. Только хитрость помогла Шуйскому взять Тулу: запрудили рѣку Упу, и она залила городъ, что причинило большія бѣды осажденнымъ. 10-го октября Тула сдалась. Множество плѣнныхъ воровъ дворяне и дѣти боярскія брали на поруки и обращали ихъ въ холоповъ. Многихъ плѣнныхъ отпустили, за невозможностью ихъ прокормить. Они ушли опять на Украйну и образовали матеріалъ для слѣдующихъ возстаній. Наиболѣе опасныхъ, съ точки зрѣнія боярской, воровъ тысячами „сажали въ воду".

Взятіе Тулы не прекратило волненій. Въ августѣ 1607 года въ Стародубѣ появился, наконецъ, такъ давно обѣщанный Болотниковымъ второй Лжедимитрій, очень мѣтко прозванный „Воромъ". Шуйскій послѣ взятія Тулы не послалъ войска для окончательнаго усмиренія южныхъ областей. Уцѣлѣвшіе отъ разгрома подъ Тулой мятежники стали стекаться подъ знамена новаго самозванца. Изъ Польши приходили цѣлые отряды поляковъ по нѣскольку тысячъ. Съ Дона шли шайки казаковъ. Всѣ эти люди плохо вѣрили въ то, что самозванецъ — истинный царевичъ. Воръ нуженъ былъ этой разнородной толпѣ, какъ предлогъ. Холопы, бѣглые крестьяне могли поживиться на счетъ своихъ враговъ-землевладѣльцевъ и знати, а въ случаѣ удачи могли надѣяться на перестройку общества. Казаки, подъ предлогомъ службы царевичу, шли просто грабить: они искони смотрѣли на сосѣднія государства, какъ на „свой хлѣбъ". Поляки искали военной славы и добычи. Войско самозванца плохо его слушалось, дисциплины никакой не было. Даже при такомъ безпорядкѣ Воръ одержалъ надъ царскими войсками побѣду подъ Болховомъ, побѣдоносно дошелъ до самой Москвы и сталъ лагеремъ въ Троицкомъ селѣ Тушинѣ. Къ этому времени войско Вора получило нѣкоторую организацію. Рожинскій, предводитель сильнѣйшаго изъ польскихъ отрядовъ, сталъ его гетманомъ, а Лисовскій (тоже полякъ) и Заруцкій (изъ русскихъ) — начальниками московскаго казачества. Началась осада Москвы „Тушинскимъ воромъ". Москва оказалась отрѣзанной отъ сѣвера Россіи, югъ

былъ въ огнѣ возстанія. Сообщенія не были прерваны съ однимъ Рязанскимъ краемъ, воевода котораго, Прокопій Ляпуновъ, оказывалъ Шуйскому дѣятельную поддержку людьми и припасами. Жители Москвы служили Василію очень неохотно. Нравственные устои расшатались. Стоитъ вспомнить знаменитыхъ „перелетовъ“[1]). Скоро Василій понялъ невозможность справиться съ Воромъ собственными силами и послалъ племянника своего, Скопина-Шуйскаго, искать помощи у шведскаго короля, врага Польши. Такъ въ междоусобную борьбу втягивались сосѣднія государства.

Кромѣ Москвы, войска Вора обложили Троицкую Лавру, а отдѣльные небольшіе отряды, казачьи и польскіе, собирали деньги и всякаго рода запасы въ замосковныхъ (къ сѣверу отъ Москвы) городахъ именемъ царя Димитрія Ивановича. Грабежи и безчинства этихъ вымогателей заставили призадуматься замосковныхъ людей. Какъ ни плохъ былъ царь Василій, онъ являлся охранителемъ гражданскаго порядка и защитникомъ вѣками сложившихся отношеній.

Мы уже видѣли, что на сѣверѣ Россіи крестьяне жили, главнымъ образомъ, на государственныхъ и отчасти на собственныхъ земляхъ. Поэтому они не знали ужасовъ крѣпостного состоянія, отъ котораго такъ страдали крестьяне срединныхъ и южныхъ областей Московскаго государства. Города въ замосковныхъ областяхъ, въ новгородскихъ и псковскихъ мѣстахъ были вообще богаче городовъ южныхъ и центральныхъ, такъ какъ черезъ эти области шли торговые пути на Новгородъ и Архангельскъ и дальше за границу. Богатый торговый Нижній Новгородъ съ самаго начала смуты вѣрно держался законной московской власти. Замосковные города и Нижній по собственному почину начали борьбу съ отрядами Вора, организуя ее общими силами, вступая для этого во взаимныя сношенія. Возстаніе замосковныхъ городовъ, которые сначала охотно переходили на сторону Вора, и борьба ихъ съ „ворами“

[1]) Перелетами называли въ Смутную эпоху тѣхъ, кто попеременно служилъ то В. Шуйскому, то Вору. Нѣкоторые переходили по пяти и шести разъ отъ Шуйскаго къ Вору и обратно. Были и такіе, что явно служили одновременно и Вору и Шуйскому.

была очень удачна. „Поморскіе“[1]) мужики оттѣснили „воровъ“ къ Москвѣ, а подоспѣвшій къ этому времени Скопинъ-Шуйскій съ союзниками шведами и ратью новгородской земли довершилъ побѣду надъ Воромъ. Послѣдній бѣжалъ въ Калугу; съ нимъ ушли и казаки.

Послѣ бѣгства Вора въ Калугу и ухода большей части поляковъ къ королю подъ Смоленскъ, тушинскій лагерь распался. Русскіе тушинцы, средніе бояре и выслужившіеся дѣльцы не хотѣли возвращаться къ царю Василію, ставленнику крупныхъ бояръ и представителю ихъ интересовъ. Среди русскихъ тушинцевъ возникла мысль просить на царство королевича польскаго Владислава. Они отправляютъ къ королю подъ Смоленскъ посольство съ этой цѣлью. Это посольство заключило съ королемъ (4 февраля 1610 г.) договоръ объ условіяхъ, при соблюденіи которыхъ Владиславъ становился царемъ Московскаго государства.

Нѣсколько ранѣе бѣгства Вора въ Калугу, польскій король Сигизмундъ, узнавъ о союзѣ шведовъ съ русскими, объявилъ Московскому государству войну и осадилъ сильный Смоленскъ. Къ несчастью государства, любимый народомъ, способный полководецъ Скопинъ-Шуйскій неожиданно умеръ, а войско, посланное противъ поляковъ подъ начальствомъ неспособнаго Димитрія Шуйскаго, понесло у Клушина страшное пораженіе отъ польскаго гетмана Жолкѣвскаго. Царь Василій, какъ ставленникъ боярской партіи, не пользовался любовью народа. На бѣду для Шуйскаго многіе его сторонники изъ бояръ стали противъ него. Князь Голицынъ, напримѣръ, самъ домогался царской власти. Русскіе люди изъ лагеря Вора, который въ это время опять подошелъ изъ Калуги къ Москвѣ, убѣждали москвичей ссадить (свергнуть) Шуйскаго; сами тушинцы обѣщали привести плѣнникомъ Вора и потомъ сообща выбрать государя. 17-го іюня москвичи всѣхъ сословій, собравшись за Арбатскими воротами, рѣшили просить царя Василія оставить царство. Шуйскій подчинился. Тушинцы, вмѣсто того, чтобы, по обѣщанію,

[1]) Поморьемъ въ Древней Руси называли сѣверо-восточныя области государства.

привести Вора плѣнникомъ въ Москву, предложили москвичамъ признать Димитрія Ивановича царемъ. Москвичи, конечно, не согласились. Такъ Москва осталась безъ царя.

Сначала Москва, какъ и раньше въ безгосударное время бывало, присягнула Боярской Думѣ, состоявшей въ то время изъ семи членовъ. „Седьмочисленные бояре“ не сумѣли взять власть въ свои руки. Сначала у нихъ была мысль выбрать царя „совѣтомъ всей земли“[1]), но ее оказалось невозможно осуществить, потому что какъ поляки, шедшіе къ Москвѣ послѣ Клушинской битвы, такъ и Воръ не стали бъ дожидаться выбора царя. Бояре очень боялись, какъ бы московская чернь не отворила городскихъ воротъ Вору. Такъ боязнь польскаго господства заставила Боярскую Думу выбирать изъ двухъ кандидатовъ на престолъ, королевича Владислава и Вора, кого-нибудь немедленно. Понятно, что для бояръ меньшимъ зломъ былъ королевичъ Владиславъ, и они пригласили Жолкѣвскаго поспѣшить къ Москвѣ, чтобы помѣшать Вору завладѣть ею. Жолкѣвскій прежде всего потребовалъ избранія Владислава на царство: иначе помогать Москвѣ, по его мнѣнію, не было смысла. Боярская Дума не рѣшилась своей властью провозгласить Владислава царемъ. Составленъ былъ изъ служилыхъ людей всѣхъ городовъ, случившихся въ Москвѣ, „совѣтъ всея земли“, которому Дума и предложила на рѣшеніе вопросъ объ избраніи Владислава. Послѣ долгихъ переговоровъ Москва присягнула Владиславу. Условія избранія были почти тѣ же, что въ договорѣ 4 февраля 1610 года. Уничтожены были только статьи о повышеніи меньшихъ людей и о свободномъ выѣздѣ за границу для науки. Въ этомъ измѣненіи договора 4 февраля 1610 года видно вліяніе крупнаго боярства и духовенства.

Послѣ признанія Владислава царемъ, Жолкѣвскій прогналъ Вора изъ-подъ Москвы. Кремль заняли польскія войска, и власть надъ Москвой постепенно перешла къ польскимъ военачальникамъ.

---

[1]) „Совѣтъ всей земли“ — синонимъ Земскаго собора.

Не всѣ русскіе люди охотно согласились на избраніе Владислава. Такъ, напримѣръ, рязанскіе служилые люди желали видѣть царемъ на Москвѣ кн. Голицына.

Тотчасъ по избраніи Владислава договоръ былъ отправленъ къ отцу королевича, Сигизмунду, подъ Смоленскъ съ „великимъ посольствомъ". Жолкѣвскій, горячій патріотъ и очень умный политикъ, добился, чтобъ во главѣ посольства отправились кн. Голицынъ и Филаретъ, люди очень вліятельные въ Москвѣ и опасные Владиславу. Въ посольствѣ было около 1000 человѣкъ. Посольство не имѣло успѣха: Сигизмунду самому хотѣлось стать царемъ на Москвѣ. Жолкѣвскій, узнавши о такомъ намѣреніи короля, передалъ начальство надъ поляками Гонсѣвскому, а самъ оставилъ Москву: онъ хорошо понималъ, что москвичи никогда не признаютъ царемъ католика Сигизмунда. Пока шли переговоры „великаго посольства" съ Сигизмундомъ, власть въ Москвѣ успѣли захватить бывшіе русскіе тушинцы, опираясь на польскую военную силу. Нѣкоторыхъ членовъ Боярской Думы поляки арестовали, другіе потеряли всякое вліяніе на дѣла. Такъ Московское государство вмѣсто личной уніи съ Польшей попало въ подчиненіе польскому королю.

Когда выяснилось, что Сигизмундъ самъ хочетъ быть московскимъ царемъ, москвичи увидѣли, какъ грубо они обмануты. Положеніе Россіи было очень тяжелое; Москвой владѣли поляки, а области грабили воровскія шайки. Въ это тяжелое время взоры всѣхъ русскихъ людей обратились на патріарха. Въ безгосударное время патріархъ пріобрѣталъ очень большое значеніе; на него въ Московскомъ государствѣ смотрѣли какъ на государя. Но тогдашній патріархъ Гермогенъ не сразу рѣшился дѣйствовать противъ поляковъ. Два событія способствовали его рѣшимости. Первое изъ этихъ событій — штурмъ Смоленска поляками 21-го ноября; второе — смерть Вора въ Калугѣ (11 дек. 1610 г.). Стремленіе поляковъ завладѣть Смоленскомъ во что бы то ни стало, окончательно убѣдило патріарха въ завоевательныхъ планахъ Польши, а смерть Вора избавила Москву отъ серіознаго врага: скопища самозванца и были опасны

именно именемъ Димитрія, которое объединяло ихъ. Патріархъ рѣшилъ послѣ этихъ событій призвать народъ къ открытой борьбѣ съ поляками; онъ рѣшился „повелѣвати, на кровь дерзнути“. Въ Москвѣ патріарху не на кого было опереться: высшій слой служилыхъ людей, волей и неволей, открыто служилъ Сигизмунду, нижніе слои населенія были придавлены польской военной силой. Поляки хозяйничали въ Москвѣ, какъ въ покоренномъ городѣ. Патріарху оставалось призвать къ возстанію провинціальныхъ служилыхъ людей и горожанъ сѣверной и средней Россіи. Такъ Гермогенъ и сдѣлалъ. Во второй половинѣ декабря 1610 года онъ сталъ разсылать по городамъ грамоты, въ которыхъ объяснялъ измѣну короля, разрѣшалъ народъ отъ присяги Владиславу и просилъ городскихъ людей, по зимнему пути, не мѣшкая, итти къ Москвѣ на литовскихъ людей.

Эти грамоты производили сильное впечатлѣніе. Прежде всѣхъ поднялась Рязанская земля во главѣ съ неутомимымъ Прокопіемъ Ляпуновымъ. Въ январѣ 1611 года онъ уже двинулся въ походъ къ Москвѣ, во главѣ служилыхъ людей своего края. Къ нему шли ополченія со всѣхъ сторонъ, между прочимъ, изъ Ярославля и Нижняго Новгорода. Присоединились даже тушинскіе казаки, во главѣ съ кн. Трубецкимъ и Заруцкимъ. Ляпуновъ, хорошо знавшій казаковъ и ихъ воровскія склонности, понималъ также, какъ важно привлечь на свою сторону военную силу Вора. Ляпуновъ звалъ грамотами также боярскихъ людей съ Поля[1]), обѣщая имъ жалованье и волю за службу въ земской рати. Эти обѣщанія привлекли въ ополченіе Ляпунова множество гулящихъ и бѣглыхъ людей. Соединенное земское и казацкое ополченія обложили Китай-городъ и Кремль, гдѣ заперлись поляки въ числѣ 3000 человѣкъ.

Ополченіе расположилось около Кремля такъ, что казацкіе отряды оказались въ серединѣ между двумя частями земскаго ополченія. Осада пошла плохо: согласія между вождями ополченія было немного. Кромѣ осады поляковъ, ополченіе заня-

[1]) Поле — крайнія юго-западныя области тогдашней Руси. „Польскіе города“, напримѣръ, Курскъ и Воронежъ.

лось организацией центральнаго управленія московскаго государства, совершенно разстроеннаго предыдущими событіями. Эта организація для самого ополченія и для управленія государствомъ была создана ратнымъ приговоромъ 30 іюня 1611 г. По этому приговору избранные въ правительство бояре и воеводы имѣютъ судебную и исполнительную власть. Судить они имѣютъ право всякія дѣла, исключая преступленій, караемыхъ смертной казнью и ссылкой по городамъ. Эти дѣла они могли рѣшать, только „поговоря со всею землей", которая олицетворялась совѣтомъ ополченія. Земельныя пожалованія, сдѣланныя Сигизмундомъ и Воромъ, постановлено отобрать, давши боярамъ и окольничимъ сообразно тому, какъ это дѣлалось при прежнихъ „прирожденныхъ" государяхъ; оставшіяся земли употребить на испомѣщеніе мелкихъ служилыхъ людей.

Далѣе приговоръ 30 іюня 1611 года учреждалъ приказы на мѣсто запустѣлыхъ московскихъ. Особенно подробно приговоръ остановился на положеніи казаковъ и холоповъ.

Казакамъ старымъ, т.-е. давно признаннымъ въ этомъ званіи, предоставлялось или верстаться[1]) помѣстными и денежными окладами, наравнѣ съ дворянами, или же служить за хлѣбный кормъ и денежное жалованье. Казаки, не вошедшіе ни въ первую, ни во вторую категорію, въ приговорѣ даже не называются казаками, а просто именуются „холопы боярскіе или какія люди ни буди". Всѣ вообще казаки не имѣютъ права быть назначенными на должности по мѣстному управленію. Такимъ образомъ казачество ставилось вездѣ въ зависимость отъ дворянства. Въ довершеніе стѣсненій для казачества, было постановлено, что слѣдуетъ, по сыску крестьянъ и холоповъ, возвращать ихъ старымъ господамъ. Это постановленіе было закрѣпленіемъ устанавливавшихся крѣпостныхъ отношеній, противъ которыхъ казачество было живымъ протестомъ. Разумѣется, эти стѣснительныя для казаковъ постановленія должны были раздражить ихъ. Особенно злились они на виновника этого

---

[1]) Верстаться — значило получить или помѣстье, или денежное жалованье съ обязательствомъ службы государству.

приговора, Прокопія Ляпунова, „и съ тое же поры начаша надъ Прокофьемъ думати, какъ бы его убить“.

Поводомъ къ убійству послужило строгое примѣненіе правилъ о разбояхъ казаковъ.

Одинъ дворянинъ поймалъ на разбоѣ 28 казаковъ и посадилъ ихъ въ воду. Товарищи успѣли ихъ спасти и привели подъ Москву. Казачій „кругъ“[1]) потребовалъ Ляпунова для объясненій, во время которыхъ его измѣннически убили.

Мы уже упоминали, что земское ополченіе было раздѣлено на двѣ части станомъ казаковъ. Теперь, когда въ смерти Ляпунова явно прорвалась вражда казаковъ къ земскому ополченію, земцы, очутившіеся безъ предводителя между двухъ враговъ, поляковъ — въ Кремлѣ, и казаковъ — въ полѣ, стали разъѣзжаться по домамъ. Такъ казаки, т.-е. низшіе элементы московскаго общества, одержали верхъ надъ дворянствомъ. Въ распоряженіи казаковъ оказался только что налаженный Ляпуновымъ правительственный механизмъ, а сами они стали правительственнымъ войскомъ.

Между тѣмъ, какъ подъ Москвой совершились эти событія, король Сигизмундъ взялъ Смоленскъ, а шведы Новгородъ.

Казалось, Россія погибала. По смерти Ляпунова, который нѣсколько сдерживалъ казаковъ, они стали грабить и безчинствовать безъ всякаго удержу. Кромѣ того, они затѣвали новую смуту, задумавши провозгласить царемъ сына Марины Мнишекъ. Хозяйничанье въ государствѣ поляковъ и казаковъ угрожало не только разрушеніемъ общественнаго порядка, но и православной вѣрѣ. На защиту православной вѣры отъ поляковъ и общественнаго порядка — отъ казаковъ, встали сѣверъ и сѣверо-востокъ Руси.

Въ Нижнемъ Новгородѣ, Ярославлѣ, Казани давно внимательно слѣдили за событіями подъ Москвой. Къ казакамъ на сѣверѣ давно относились недовѣрчиво. Теперь же, когда они убили главу земщины, Ляпунова, и затѣяли новую

---

[1]) „Кругомъ“ казаки называли собраніе всѣхъ наличныхъ воиновъ-товарищей.

смуту, провозгласивши царемъ Воренка[1]), о чемъ нижегородцы узнали изъ грамоты патріарха, всѣ поняли, что казаки такіе же враги Руси, какъ и поляки. Центромъ движенія противъ поляковъ и казаковъ сдѣлался Нижній Новгородъ. Движеніе въ пользу освобожденія Москвы возникло еще раньше грамоты Гермогена о Воренкѣ. Главой движенія сталъ излюбленный человѣкъ нижегородцевъ, ихъ земскій староста, Мининъ. Онъ замѣчательно организовалъ хозяйственную часть въ составлявшемся второмъ ополченіи. Главнымъ воеводой поставили кн. Дмитрія Пожарскаго, который при царѣ Василіи и послѣ него выдвинулся своей неутомимой борьбой съ ворами. Пожарскій въ военныхъ дѣлахъ, въ устройствѣ ополченія дѣйствовалъ съ одобренія „всей земли", то-есть земскаго собора, который составился изъ выборныхъ отъ городовъ, съѣхавшихся еще тогда, какъ ополченіе было въ Нижнемъ. Мининъ въ своей хозяйственной дѣятельности всегда опирался на одобреніе большинства гражданъ. Онъ тогда только взялся за дѣло, когда нижегородцы приговоромъ обязались платить опредѣленный налогъ на содержаніе ополченія. Подобными же налогами обложили себя и сосѣдніе съ Нижнимъ города на Волгѣ. Такъ второе ополченіе, подъ вліяніемъ Гермогена и Минина, избѣгло двухъ ошибокъ, которыя погубили первое ополченіе. Второе ополченіе отдѣлилось отъ казаковъ и организовалось на коллегіальномъ началѣ. Хотя при такомъ устройствѣ ополченіе очень медленно подвигалось къ Москвѣ, зато успѣхъ его былъ обезпеченъ.

Второе ополченіе поставило передъ собой двѣ задачи: очистить Москву отъ враговъ и выбрать царя всею землей. Какъ только стоявшіе подъ Москвой казаки узнали объ организаціи нижегородскаго ополченія, они поняли всю его опасность для себя и рѣшили помѣшать объединенію Сѣверной Руси вокругъ Нижняго Новгорода. Казаки рѣшили завладѣть Ярославлемъ, который лежалъ какъ разъ на средоточіи путей изъ сѣверовосточной Руси къ Москвѣ. Пожарскій, который сначала хотѣлъ

---

[1]) Сынъ Заруцкаго и Марины Мнишекъ.

итти на Суздаль, послалъ свой авангардъ къ Ярославлю и занялъ его раньше казаковъ. Такъ борьба съ казаками началась раньше борьбы съ поляками. Послѣ Пожарскій двинулся въ Ярославль съ главной частью ополченія. Тутъ онъ простоялъ больше 3 мѣсяцевъ, устраивая свое ополченіе и временное правительство для всей Руси.

Этимъ правительствомъ былъ земскій соборъ обычнаго состава, т.-е. въ немъ было духовенство, бояре, служилые и тяглые люди. Когда окончательно сорганизованное ополченіе двинулось къ Москвѣ, то одно его приближеніе заставило разложиться таборы[1]). Часть казаковъ, съ Заруцкимъ во главѣ, ушла въ Рязанскую Украйну. Другая часть осталась подъ Москвой, и даже, несмотря на вражду съ ярославскимъ правительствомъ, Трубецкой извѣстилъ Пожарскаго о приближеніи къ Москвѣ гетмана Хоткевича съ вспомогательнымъ войскомъ и припасами для сидѣльцевъ Кремля. Пожарскій поспѣшилъ къ Москвѣ и сталъ тамъ отдѣльно отъ казаковъ. Общими силами ополченія и казаковъ было отбито нападеніе Хоткевича. Надо мѣтить, что казаки очень неохотно помогали Пожарскому [illegible] былъ взятъ штурмомъ Китай-городъ, сдались и и[illegible]шеся кремлевскіе сидѣльцы. Собранный послѣ очищенія Москвы отъ поляковъ земскій соборъ выбралъ царемъ М. Ѳ. Романова.

Пособія.

1. Платоновъ С. Очерки по исторіи Смуты въ Московскомъ государствѣ.
2. Ключевскій В. Курсъ русской исторіи.
3. Забѣлинъ И. Прямые и кривые въ Смутное время.
4. Костомаровъ. Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей.
5. Ключевскій. Боярская Дума Древней Руси.
6. Милюковъ. Очерки по исторіи русской культуры.

---

[1]) Таборъ — укрѣпленный казачій лагерь.

КЪ ЭТОЙ СЕРІИ РЯДЪ ОЧЕРКОВЪ

ИЗЪ ИСТОРІИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

подъ редакціей

Н. Г. Тарасова и А. Ѳ. Гартвига.

Отдѣльные небольшіе очерки предназначены для того, чтобы дополнить тѣмъ, чего не можетъ изобразить картина, и что съ точки зрѣнія составителей желательно было бы выдвинуть на картинѣ. Цѣна очерка **10—15** коп.

Въ дополненіе къ первой коллекціи подъ редакціей

С. И. Гречушкина

10 картинъ

КЪ ЭПИЗОДИЧЕСКОМУ КУРСУ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

Первая серія — 10 картинъ.

1. Проповѣдь христіанства.
2. Въ Золотой ордѣ.
[illegible] Троице-Сергіева лавра въ XIV в.
[illegible]ъ Ермака.
5. [illegible]ремя.
6. Патріархъ Никонъ.
7. Въ Петербургѣ при Петрѣ Великомъ.
8. Суворовъ въ Альпахъ.
9. Выступленіе населенія изъ Москвы въ 1812 году.
10. Освобожденіе крестьянъ.

Къ картинамъ — объяснительный текстъ подъ редакціей

С. И. Гречушкина

ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ

въ видѣ отдѣльной брошюры для каждой картины.

Цѣна 30 картинъ по ИСТОРІИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ 20 р., дополнительно къ этой коллекціи 10 картинъ по РУССКОЙ ИСТОРІИ 5 р.

Получать можно **въ книжномъ складѣ В. В. ДУМНОВА.**

1) Москва, Мясницкая, д. Обидиной.

2) С.-Петербургъ, Большая Конюшенная, № 1.

Цѣна 15 коп.

